

УДК 32.001

ББК 66.0

DOI 10.22394/1682-2358-2024-5-31-38

А.А. Ryzantsev, post-graduate student of the Central Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

PECULIARITIES OF THE PROCESS OF FORMATION AND REALIZATION OF SYMBOLIC POLICY IN THE POST-SOVIET SPACE: CASES OF MEMORY REGIMES

Issues of historical memory policy formation are studied on the example of Ukraine, Moldova, Georgia and the Baltic republics. Activities of state and non-state institutions in the post-Soviet space, intended to construct historical memory with the help of political mythology, post-truth and resentment are analyzed.

Key words and word-combinations: new states, post-Soviet space, memory regimes, collective historical memory, transformation, ruling elites, russophobia.

А.А. Рязанцев, аспирант Среднерусского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: a@lsav.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КЕЙСЫ РЕЖИМОВ ПАМЯТИ

Аннотация. Исследуются вопросы формирования политики исторической памяти на примере Украины, Молдавии, Грузии и республик Прибалтики. Анализируется деятельность государственных и негосударственных институтов на постсоветском пространстве, призванных конструировать историческую память с помощью политической мифологии, постправды и ресентимента.

Ключевые слова и словосочетания: постсоветское пространство, символическая политика, историческая память, русофобия.

Во временном континууме 1991–2011 гг. сформировался весь спектр политических режимов на постсоветском пространстве — от демократических политических систем (Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Эстония, Украина) до автократических режимов (Азербай-

джан, Беларусь, Туркменистан, Узбекистан,). Сложились на постсоветском пространстве и гибридные режимы (диктабланда, демократура, недодемократический режим, режим сомнительной демократии). Данная авторская классификация политических режимов близка к типологии постсоветских режимов, предложенной отечественными политологами А.Ю. Мельвилем, Д.К. Стукалом и М.Г. Миронюком [1, с. 10]. В ракурсе траекторий режимных трансформаций авторы выделяют ряд кластеров: Латвия, Литва, Эстония включаются в кластер демократической консолидации; Грузия, Молдавия, Украина — в кластер политий на пути к демократии; Туркмения и Узбекистан — в кластер консолидированных автократий; Азербайджан, Беларусь, Таджикистан, Казахстан — в кластер движения к автократии; Армения, Киргизия и Россия — в кластер проблемных траекторий.

При этом исследователи выделяют и пятимерный концепт государственной состоятельности, в который включены следующие направления: 1) внешняя безопасность и суверенность государства; 2) внутриполитический порядок и стабильность (слабый порядок приводит к хаосу [2, с. 31]); 3) легитимность действующей власти; 4) эффективное управление (управленческая способность); 5) производство и создание условий для социально-экономического и политического развития страны.

Символическая политика в новых государствах, как представляется, содействует политическому порядку, легитимности власти, развитию отраслей и сфер жизнедеятельности политики. Кроме того, символическая политика с ее компонентами в виде исторической памяти и политической мифологии представляет собой одну из составляющих процесса усиления состоятельности государства как альтернативу несостоявшимся государствам (failed states) в их трех разновидностях (по О.Б. Подвинцеву [3, с. 205]): слабым государствам, деградирующим политиям (не справляющимся со своим функционалом), разваливающимся (несостоявшимся) государствам.

Процесс становления символической политики в постсоветских государствах, выделенных в первую группу, имеет ряд особенностей, представляющих собой некую систему координат в виде политических институтов [4, с. 22].

С одной стороны, провозгласив независимость своих республик с рекламированием набора признаков, характерных для либеральной демократии (защита прав человека, свобода слова, собраний, многопартийная система, сменяемость власти), постсоветские политические режимы республик Прибалтики, Украины, Молдавии, Грузии не отличались устойчивостью и стабильностью политических систем. Более

того, обладая материальными ресурсами для проведения социально-экономической политики, правящие политические режимы данных политий столкнулись с базовой проблемой состоятельности этих государств, так как многие из них либо не имели опыта функционирования собственных политий, либо обладали кратковременным периодом своей государственности в отличие от исторической России.

Следовательно, новые государства, провозгласившие ценности либерального порядка, нуждались не только в наличии серьезной силовой составляющей, но и в политической легитимации сформировавшихся режимов, что могло обеспечить следующее: во-первых, укорененность в исторической традиции, которой не было и которую необходимо было создать; во-вторых, преемственность правящих элит в пространственно-временном континууме титульных этносов. Такие задачи, в свою очередь, ставились политическими режимами постсоветских государств перед экспертным и научным сообществом в сфере конструирования исторической памяти. В случае отсутствия или недостаточности культурных корней, обосновывавших историческую основу существования политий, создавалась политическая мифология. Отметим, что компоненты мифологии подбирались избирательно, создавались конструкции (по В.А. Шнирельману — подделки и альтернативная история [5]), где нравственным и политическим злом в историческом контексте выступала Россия. Именно таким образом в новых государствах проектировалось «будущее — прошлое». Акторами данного процесса выступали этнические элиты, значительная часть которых трансформировалась в этнократии, и у них как у доминантной этносоциальной группы концентрировались практически все властные полномочия [6, с. 13]. Речь идет о литовских, латышских, эстонских, грузинских, молдаво-румынских, галичанско-украинских и иных этнократиях. Важным компонентом выработки символической политики, в основе которой доминировала политическая мифология, выступали внешнеполитические акторы, прежде всего межправительственные организации (МПО) и неправительственные организации (НПО).

Следует также отметить, что в становлении символической политики постсоветских государств этой группы прослеживается четкая взаимосвязь и взаимозависимость между постоянно воспроизводимой политической нестабильностью данных политий и активным внедрением политической мифологии в сферу образования, культуры в процесс социализации новых поколений. К тому же фактор исторической объективности в научных изысканиях, проводимых в таких государствах, их официальной политике в гуманитарной сфере, не входит в число значимых приоритетов.

Более того, политические силы, «мозговые центры», государственная система массовых коммуникаций, большинство партийных акторов используют и опираются на политическую мифологию в борьбе за власть и статусные позиции в ней. В связи с этим как внутри партий, так и на международной арене, подобными правящими режимами делается ставка на политические технологии «постправды», когда апелляция к историческим рефлексиям и эмоциям к личной вере дает больший эффект и политические дивиденды, чем обращение к объективному историческому анализу [7].

Научный концепт «постправды», введенный в прикладной политической дискурс в 2010-е годы, системно разработан С. Фуллером в связи с исследованием данного феномена в контексте политической теории В. Паретто о циркуляции правящих элит. С. Фуллер берет за основу борьбу «львов» и «лис» и накладывает на нее политическую реальность и проектируемую видимость: и «львы», и «лисы», стремясь выиграть в электоральных и политических кампаниях, опираются на историческое прошлое. Достижение выигрыша планируется либо за счет тактики быстрых изменений видимости в публичном политико-информационном пространстве, что свойственно «лисам», либо при стабилизации реальности, совпадающей с алгоритмом политических действий «львов».

В республиках Прибалтики, Украине, Грузии, Молдавии в конкурентной борьбе, как правило, побеждали «лисы», проводившие быстрые изменения видимости с помощью определенных компонентов исторической памяти и особенно политической мифологии. Процесс становления символической политики с опорой на устойчивость и стабильность политических режимов новых государств, основан прежде всего на выборе ценностей как способе упорядочения и структурирования факторов и предпочтения, их интерпретации, а также на репрезентации прошлого через эталоны-посредники (знаковые акторы, референтные лица) [8, с. 45]. Кроме того, в символической политике новых государств особое место занимают символы, которые дают органам власти и управления, «мозговым центрам», НКО, государственным учреждениям (школам, вузам, музеям, кинематографу и др.) стимулы для ориентированного поведения. Именно эти стимулы (шаблоны, стереотипы) избавляют индивидов и социальные группы от необходимости поиска объективной информации, анализа и принятия самостоятельных решений [9, с. 132] относительно исторического прошлого.

Обратим внимание, что символическая политика в новых государствах со сформированными демократическими политическими режимами (например, Украина после 2011 г.) не может дать нужного

эффекта в легитимации власти без наличия принципиальных условий, а именно: во-первых, таргетирования конкуренции за интерпретацию исторического прошлого, монополизация истины на «прошлое будущее»; во-вторых (как следствие первого тезиса) законодательного закрепления исторических нарративов (например, оккупация СССР республик Прибалтики), предусматривающего уголовное преследование за иную точку зрения; в-третьих, создания инфраструктуры внедрения исторических нарративов в образовательную, культурную и общественно-политическую практику.

Для новых государств постсоветского пространства в становлении символической политики характерны определенные интерпретации:

— общность исторических нарративов, подчеркивающих участие в конкретном процессе, кроме общенациональных политических акторов, международных субъектов;

— синхронность проведения процедур, в частности законодательного оформления исторических интерпретаций, подаваемых как демократические процедуры, и как получающих поддержку основных социальных слоев населения.

К числу узловых историко-политических интерпретаций можно отнести негативные коннотации по отношению к пакту Молотова — Риббентропа, которые вошли в учебники истории новых государств как основа для последующей «оккупации» СССР прибалтийских стран. Такой официальной позиции придерживается Литва, Латвия, Эстония, Украина, Молдавия, Грузия, большинство государств Центральной и Восточной Европы. Исторические события вокруг интерпретации заключения пакта Молотова — Риббентропа коррелируются с бинарным политологическим подходом Х. Арндт, в оценках тоталитаризма к которому она отнесла гитлеризм (1933—1945 гг.) и сталинизм (1937—1953 гг.) [10]. Данная теория в последующем, в особенности в 1990—2000-е годы была легитимизирована в государственных оценках упоминавшихся государств, решениях Европарламента, ставящих в один разряд гитлеризм и сталинизм и признанием их ответственности за произошедшие события 1939—1945 гг.

Как пакт Молотова — Риббентропа, так и официальное закрепление равной ответственности гитлеризма и сталинизма в официальных доктринах новых государств на постсоветском пространстве является отличительной особенностью процесса становления символической политики. Более того, два аспекта в оценках исторического прошлого в части общей истории пятнадцати республик СССР становятся маркером, отличающим объективное формирование исторической памяти новых политий от доминирования политической мифологии. Углублен-

но изучая феномен прошлого, И.М. Савельева и А.В. Полетаев называют появившиеся после 1991 г. в постсоветских странах исторические исследования и учебники «штудиями», к разработке которых привлекались не только профессиональные историки, но и специалисты по политическим технологиям и массовым коммуникациям [11, с. 175].

Подобная символическая политика ряда новых государств постсоветского пространства в части исторических нарративов была тиражирована и масштабирована через инфраструктуру образовательных и культурных государственных учреждений. Так, в Риге (Латвия) и Таллинне (Эстония) были учреждены Музеи оккупации (советской «оккупации»), а в Вильнюсе (Литва) основан Музей геноцида, в котором экспонатами музея стали собранные при достаточно спорной смысловой конструкции вещи, документы, оборудование деятельности НКВД СССР. Отличительной чертой процесса символической политики прибалтийских политических режимов стала уголовная ответственность граждан этих государств за публичное отрицание «советской оккупации» (1940–1991 гг.), а также императив Литвы, Латвии, Эстонии на возмещение ущерба Российской Федерацией как правопреемницы СССР за «оккупацию», которую логично рассматривать в ракурсе концепта-ресентимента (сублимации чувства неполноценности конкретных этносов и перенос этого чувства озлобленности и враждебности в политику) и компенсации за травматическое прошлое — категорий, исследуемых немецкими учеными М. Шелером [12] и А. Ассманом [13].

Исторический паттерн «советская оккупация» был актуализирован и в других государствах, республиках бывшего СССР. В 2006 г. политическим режимом Г. Саакашвили в Грузии было инициировано создание Музея советской оккупации (1921–1991 гг.), который стал составной частью Национального музея страны, в котором этнический (грузинский) фактор, отраженный в экспонатах, представлен как описывающий борьбу грузинских этнических движений с государственными структурами СССР, органами КПСС и НКВД (КГБ). Сами движения маркированы повстанческими, а жертвы этой борьбы повстанцами, жертвами сакрально-травматического прошлого.

Наиболее масштабные трансформации по отношению к историческому прошлому произошли в символической политике Украины, которая была учредителем СССР и Организации Объединенных Наций (ООН). Если в большинстве стран бывшего СССР нарративы, слабо соотносящиеся с исторической правдой и объективностью, как правило, затрагивают период 1940–1991 гг., то на Украине политическая мифология «пропитывает» историю данного территориального пространства начиная с возникновения Киевской Руси.

В символической политике Украины с превалированием мифологии стало доминирование сконцентрированных мифов над историческими разработками. Во-первых, это конструирование новейших мифов, в том числе по отношению к древней истории (миф о древних украх, миф о Ное-украинце). Во-вторых, базирование политических мифов на сакральной идее исторической жертвенности этого государственного образования, то есть в научной и учебной литературе по истории данная модель преподносится в форме «Украина-жертва». Наравне с новейшей политической мифологией в научном и политическом украинском дискурсе реализуется «старый» миф польского украинофила П. Свенецкого конца XIX в. об «Украине-Руси», который близок по смыслу названию, продвигаемому в публичном дискурсе «Русь — Украина». В-третьих, символическая политика с новыми и «старыми» нарративами предполагает сознательное отщепление от истории Руси — России самостоятельной украинской государственности и имеет под собой ксенофобскую линию в интерпретации исторических событий. Подобная мифология и новые ее ракурсы получили мощный импульс в рамках функционирования политического режима В. Ющенко (2004—2009 гг.), когда был актуализирован дискурс (научный и политический) о голодоморе (геноциде) украинцев в 1932—1933 гг. как определенной политике Советского государства по отношению к украинцам, политике геноцида к отдельному этносу по расовым, религиозным и этническим признакам.

В период 2004—2023 гг. государственная символическая политика на Украине была ориентирована также на восстановление и сбережение национальной памяти. С этой целью, например, в 2008 г. в стране (по примеру Польши) был учрежден Украинский институт национальной памяти (УИНП), получивший статус одного из органов исполнительной власти Украины (фактически «министерство правды»), притом, что в стране существует Национальная академия наук (НАНУ) с профильным гуманитарным (историческим) отделением. Однако именно УИНП доминирует в формировании и продвижении исторических нарративов, функционируя как идеологическое учреждение. К примеру, ряд историков Украины, например академик П. Толочко и его коллеги, продвигают в своих исследованиях объективную трактовку событий, преподносят историю России и Украины как общую, с ее едиными государственными и политическими деятелями.

В целом научно-исторический тренд доминирования политической мифологии, постправды и ресентимента в «режимах памяти» Украины, Грузии, Молдавии, республик Прибалтики, по нашему представлению, препятствует формированию объективных оценок событий не-

давнего исторического прошлого. Кроме того, эти «режимы памяти» осложняют диалог сообществ профессиональных историков России и стран постсоветского пространства.

Библиографический список

1. Мельвиль А.Ю. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. 2012. № 2. С. 8–30.
2. Купер Р. Раздор между народами. Порядок и хаос в XXI веке / пер. с англ. М. Дадына. М., 2010.
3. Подвицнев О.Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // Научные ведомости Института философии и права Уральского отделения РАН. 2007. № 7. С. 204–214.
4. Мелешкина Е.Ю., Толыгина О.А. Методологические подходы к анализу политических процессов // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Е.Ю. Мелешкиной. М., 2001. С. 20–47.
5. Шницерман В.А. Подделки и альтернативная история // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 17–34.
6. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М., 2003.
7. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М., 2021.
8. Микешина А.А. проблема ценностей в социологической науке: эпистемологический анализ // Социс. 2020. № 12. С. 44–52.
9. Кобб Р., Элдер Ч. Использование символов в политике // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29). С. 132–145.
10. Arendt H. The Origins of Totalitarianism. London: Penguin Random House, 2017.
11. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М., 2005. С. 170–220.
12. Шелер М. Ресентимент в структуре моралей / пер. с нем. А.Н. Малинкина. СПб., 1999.
13. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Б. Хлебникова. М., 2016.